

**ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ‘БЕССТЫДНИК’, ‘ПЬЯНИЦА’,
‘РАСПУТНИК’ В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Диалектный лексический пласт русского языка отражает различные стороны народной жизни, хранит богатую информацию о системе ценностей и традиций той или иной лингвокультурной общности. В этом отношении важное место занимает лексика, характеризующая человека, так как она непосредственно связана с человеческим фактором в языке, с тем, что жизнь и деятельность человека протекают в территориально и культурно ограниченном месте в определенное историческое время и в конкретном социуме.

Цель нашей статьи – рассмотреть номинации человека по особенностям поведения, образующие лексико-семантические группы со значениями ‘бесстыдник’, ‘пьяница’, ‘распутник’ в говорах Ивановской области. Материалом исследования являются данные словарной картотеки «Человек», которая хранится на кафедре общего и славянского языкознания Ивановского государственного университета и отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв., в сравнении с данными Словаря русских народных говоров (СРНГ), Ярославского областного словаря (ЯОС) и словарной картотеки Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге. Представляется оправданным системный подход к описанию лексики ивановских говоров, так как равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия, позволяет наиболее полно выявить своеобразие языковой картины мира сельских жителей Ивановского края.

Ценностное отношение к окружающей действительности присутствует у всех людей, формируя их мироощущение: «Человек... придерживается вполне определенной системы ценностей, ... и твердо делит все... на хорошее и плохое: добро и зло, счастье и несчастье, благо и беду, добродетель и порок, успех и провал, везенье и невезенье, выигрыш и проигрыш, приятное и противное» [1, с. 5]. Особенности русского мировоззрения отражает значительное количество наименований в говорах, связанных с представлениями человека о морально-нравственных ценностях. Так, замечено, что слова, называющие отрицательные качества человека, или дающие характеристику человека по этим качествам, заметно превалируют над словами, несущими позитивную характеристику. Последние воспринимаются диалектоносителями как соответствующие нравственным нормам, установленным в социуме, поэтому реалии, названные такими словами, не требуют дополнительной оценки, тогда как нарушение нормы поведения, с точки зрения говорящего, может вызывать разную степень осуждения и критику с разных сторон (как известно, норма одна, а отклонений от нормы может быть сколько угодно).

Резкое осуждение в обществе вызывают люди, поведение которых отмечено такими пороками, как развратность, волокитство, пьянство, беспутство. В ивановских говорах лексико-семантическую

группу со значением 'бесстыдник / бесстыдница' составляют существительные: *айяйя'йка, бессты'дник, вячю'нка, наха'лка, оха'льник, позо'рник, срамни'к (срамни'ца), яма'нка*.

Значительная часть представленных лексем имеет широкое употребление как в говорах, так и в просторечии: *бессты'дник* 'бесстыдный человек, тот, кто нарушает правила пристойности' с пометой *разг.* [5, т. 1, с. 86], ср.: *И не стыдно вам, пра, бесстыдники? Постыдились бы так вести себя... Люди спят уже, а вы галашитесь тут, орёте* (Шуйский р-н); *наха'лка*, являющееся производным от *наха'л* 'беззастенчивый, бесцеремонный человек, наглец' [5, т. 2, с. 410] и служащее наименованием женщины недостойного поведения, ср.: *Нахалка, говорю, ни стыда ни совести* (Родниковский р-н); просторечное существительное *оха'льник* 'озорник, нахал, бесстыдник' [5, т. 2, с. 727], ср.: *А ему, видать, хоть бы что, охальнику* (Шуйский р-н).

В говорах Лухского и Тейковского районов известны однокоренные субстантивы *срамни'к (срамни'ца)*, ср.: *У нас много сейчас таких срамников; Срамница, если бесстыжая-то* (Тейковский р-н). Лексема *сра'мница* встречается в свердловских говорах и в значении 'неряха, нечистоплотная хозяйка', ср.: *Срамница, необходимница, грязнуля она*. Нижнетушин. Свердлов. [6, т. 40, с. 304], мотивирована глаголом *срами'ть* 'грязнить, мусорить'. Ярослав. [6, т. 40, с. 304]. Указанные лексемы восходят к общенародному *срам* 'стыд, позор' с пометой *разг.* [5, т. 4, с. 237], 'мусор, сор', ср.: *Посмотри, сколько сраму в избе*. Ильин.-Хован. Иван. [6, т. 40, с. 304]. Для русской ментальности характерно единство этического и эстетического, именно поэтому, на наш взгляд, оба значения связаны друг с другом общей семой 'нечистоплотность', которая может выражаться как во внешнем облике человека (неряшливый вид), так и характеризовать человека по внутренним качествам, указывая на несоответствие этическим нормам (позорное, недостойное поведение).

В говорах Шуйского района в значении 'тот, кто сделал что-либо постыдное, покрыл себя позором' употребляется слово *позо'рник*, связанное с диалектным глаголом *позо'рничать* 'жить, вести себя постыдно, позорно' [6, т. 28, с. 338], также встречающееся в ярославских, рязанских, смоленских, горьковских говорах, ср.: *Эх вы, позорники, пра, позорники, совсем, видать, стыд потеряли. Никого не стесняются!* (Шуйский р-н); *Позорники вы позорники, как вам не стыдно*. Ряз., Смол., Горьк. [6, т. 28, с. 337].

Человека, нарушающего правила пристойности, в говорах Фурмановского района называют *айяйя'йка*, ср.: *Маша, айяйя'йка, оно короткое* (Фурмановский р-н). Данная лексема мотивирована междометием *ай*, которое часто произносится с повторением: *ай-ай* или *ай-ай-ай*, и выражает неудовольствие, упрек, порицание, сожаление [5, т. 1, с. 27]. Из контекста приведенной цитаты можно предположить, что речь идет о длине платья, недопустимо короткого, по мнению информанта, что не соответствует народным представлениям о благопристойности.

В значении 'женщина, дурно себя ведущая' встречаются диалектные субстантивы *вячю'нка*, ср.: *Раньше женщины не курили, а кто курит – обругают, назовут вячонкой* (Лежневский р-н), и *яма'нка*, мотивированное диалектным глаголом *яма'нить* 'дурно себя вести', ср.: *Та ещё яманка, матом ругается*. Шуйск., Юж., Лежн., Г.-Посад., В.-Ланд., Пуч.; *Сидит, сидит и бросится куда-то или кричать, яманить начнёт*. Шуйск. [2, с. 139]. Вероятно, отрицательная семантика вышеупомянутых

лексем восходит к значению наречия *яма'н* «'плохо': *ни яман, ни якиш, а середня рука*, вост.-русск. (Даль). Заимств. из тат., крым.-тат., тур., чагат., уйг. *jaman* 'плохо, плохой'» [8, т. 4, с. 556].

Крайне отрицательно оценивается диалектоносителями человек, у которого наблюдается зависимость и неодолимая тяга к употреблению спиртных напитков, это вызывает появление целого ряда существительных, называющих пьяниц: *алка'ш (алка'шка), булды'га, глехту'н, глехту'ш, забалды'га, забулды'га, загу'ла, запо'йщик, пито'к, пропо'ец, пропо'йца, пропо'йщица, пья'ница, пьянчу'га, пьянчу'жка, пьянь*.

Наиболее близкими слову *пьяница* являются однокоренные существительные общего рода *пьянчу'га, пьянчу'жка, пьянь*, зафиксированные в ивановских, костромских, ярославских, курских, орловских, пензенских, пермских, волгоградских говорах, ср.: *Да пьянчуга она, а никакая не больная; Да нашла какого-то пьянчужку, видать, алкаголика какого-то, не знаю, да и живёт с ним* (Шуйский р-н); *Вон пьянчуга пошёл* (Пензенская обл., Лунинский р-н); *С такой-то жизни пьяни развелось, что ни дом, то пьянчужка* (Костромская обл., Сусанинский р-н) [4]. Данные существительные имеют ярко выраженный коннотативный компонент лексического значения: характеризуются презрительной эмоциональной тональностью.

В говорах Юрьеvecкого района наименованием пьяницы является существительное *пито'к*, мотивированное глаголом *пить* 'употреблять спиртные напитки; пьянствовать' [5, т. 3, с. 128]. Это наименование зафиксировано также в калужских, псковских, тверских, курских, костромских, нижегородских говорах в значении 'тот, кто может пить много спиртного, не пьянея' [6, т. 27, с. 54]; в ярославских, московских, курских говорах – 'любитель выпить, пьяница', ср.: *А вот и явился наш питок, через порог переступить не может* [9, т. 8, с. 5]; *Такой питок – гуляка несусветный*. Дмитров. Моск. [6, т. 27, с. 54].

Ивановским говорам известны однокоренные лексемы с различным аффиксальным оформлением – *запо'йщик, пропо'ец, пропо'йца, пропо'йщица* 'пьяница', ср.: *Мишка спился, потом запойщиком стал* (Тейковский р-н); *Ты чего, Людмила, невесёлая какая? – Да ну, Игорь мой связался вон с запойщиками Соболевскими, так прямо беда, каждый день пьяный* (Юрьеvecкий р-н); *Раньше на него любо-дорого глядеть было, а теперь пропойца пропойцей* (Шуйский р-н). Существительное *запо'йщик* мотивировано глаголом *запи'ть (запива'ть)*, который В.И. Даль толкует так: «Начать пить, особенно о запойном пьянстве // пить продолжительно, не давая себе опомниться. *Год не пьёт, два не пьёт, а как запьёт, всё пропьёт. Где запивать, тут и ночевать*» [3, т. 1, с. 783]. Таким образом, в наименовании *запо'йщик* проявляется дополнительная сема 'пьющий запоем', ср. у В.И. Даля: «*запо'йщик* запойный пьяница, пьющий запоем» [3, т. 1, с. 783]. По данным словарной картотеки ЛАРНГ существительное мужского рода *пропо'ец* отмечено также в ярославских, костромских, пензенских, курских, самарских, саратовских, карельских, удмуртских говорах, ср.: *Меня бабка пропойцем зовёт* (Республика Карелия, Пудожский р-н); *Все нервы пропоец измотал* (Костромская обл., Красносельский р-н); *У кумы муж пропоец был* (Республика Удмуртия, Ярский р-н) [4]. Практически повсеместно в народных говорах употребляется существительное общего рода *пропо'йца*, ср.: *Пропойца вечно с бутылкой* (Тульская обл., Киреевский р-н); *А что жена бастанит, оттого, что сам*

грешу, пропойца (Ярославская обл., Ростовский р-н); *Ну, он пропойца беспробудный* (Костромская обл., Галичский р-н); *Что ни мужик русский, то пропойца, мать родную пропьёт* (Пензенская обл., Тамалинский р-н); *Пропойца всё из дома несёт* (Пензенская обл., Заметчинский р-н); *Пропойца, он вино любит до страсти* (Московская обл., Загорский р-н); *Ой жалко Людку, с таким пропойцем живёт* (Вологодская обл., Бабаевский р-н) [4]. Как наименование женщины, употребляющей алкоголь в безмерном количестве, в говорах Лухского района встречается слово *пропо'йщица*, мотивированное однокоренным существительным *пропо'йщик* 'пьяница, пропойца', известным в ярославских, тульских, пензенских, самарских, волгоградских говорах, ср.: *А на деревне почти все мужики пропойщики* (Орловская обл., Глазуновский р-н); *Сосед у меня – пропойщик: день и ночь пьёт, никак не успокоится* (Тульская обл., Киреевский р-н) [4].

Широкое распространение как в ивановских, так и в других народных говорах, получили однокоренные существительные общего рода *булды'га* (мотивировано диалектным глаголом *булды'жить* 'жить забулдыгой, пьянствовать; буяннить, браниться, драться' Симб., Даль [6, т. 3, с. 269]), *забулды'га* (фонетический вариант – *забалды'га*) 'пьяница, пропойца', ср.: *Ты сам уж, гляжу, как те булдыги, клюкнув рюмашку не прочь стал* (Шуйский р-н); *От этого булдыги не отвяжешься* (Вологодская обл., Верховажский р-н) [4]; *Такие молодые, а забулдыгами становятся* (Тейковский р-н); *Так он и шлёндал, забулдыга несчастный, так и помер от вина* (Фурмановский р-н); *Ты своим забулдыгам клюкнутым скажи, что б не шлялись больше тут* (Шуйский р-н); *Давно пора этого забулдыгу бросить* (Тульская обл., Новомосковский р-н); *Забулдыги они чаще всего лентяи* (Пензенская обл., Мокшанский р-н); *С утра уже глаза залил, забулдыга несчастный!* (Костромская обл., Парфеньевский р-н); *Вон сейчас сколько забулдыг по улицам шляются* (Псковская обл., Себежский р-н); *Пропадает мужик, совсем забулдыгой стал* (Ярославская обл., Рыбинский р-н) [4]. Во владимирских, московских, нижегородских говорах слово *булды'га* представлено в значении 'гуляка'; в симбирских – 'сварливый, скандальный человек'; в калужских – 'грубиян, невежа' [6, т. 3, с. 269]. На наш взгляд, разные значения данной лексемы связаны друг с другом, так как включают общую сему 'несоответствие этическим нормам'.

Ивановским говорам известны и такие лексемы, как *алка'ш* (*алка'шка*), также представленные в ярославских, орловских, тульских, пензенских и других народных говорах, ср: *Да так, алкашка одна, молодая бабёнка, ты её не знаешь всё равно* (Шуйский р-н); *Пьёт уж очень много, алкаш в общем;* *Сосед наш – алкаш, постоянно пьёт* (Тульская обл., Ефремовский р-н); *Алкаш он, пьёт без меры* (Тульская обл., Дубенский р-н); *Николаичу пить нельзя: у этого алкаша здоровья совсем нет* (Орловская обл., Мценский р-н); *На селе сейчас каждый второй – алкаш* (Пензенская обл., Иссинский р-н); *Да тут многие алкаши ошиваются* (Ярославская обл., Ростовский р-н) [4]. Как показывают приведенные контексты, указанные лексические единицы содержат дополнительные семы 'употреблять спиртные напитки в большом количестве / без меры / постоянно'.

В ряде районов Ивановской области бытуют словообразовательные синонимы *глохту'н* и *глохту'ш*, мотивированные диалектным глаголом *глохта'ть* 'напиваться пьяным'. Даль [без указ.

места]. Симб., Пск., Смол. [6, т. 6, с. 204], ср.: *Елена, несчастная, намучилась как она с гложтуним своим, все ведь жилы он из неё вытянул* (Юрьевецкий р-н); *Такой ли гложтуним стал* (Южский р-н).

К лексико-семантической группе, характеризующей человека распутного, ведущего крайне беспорядочную жизнь, в исследуемых говорах относятся такие наименования, как: *беспу'тник* (*беспу'тница*), *блудни'ца*, *блуд'ня*, *лиходе'йка*, *потаску'н* (*потаску'ха*), *потаску'шка*, *распана'й*, *шату'н* (*шату'шка*), *иллю'ха*.

Лексема *лиходе'йка*, известная общенародному языку в значении 'злодейка' с пометой *устар.* и *народно поэт.* [5, т. 2, с. 189], в ивановских говорах приобретает значение 'женщина, отбивающая у других мужей', ср.: *Самогоночку не пью, Боюся заболтаюся, С лиходейкой не сажусь, Боюся разругаюся* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), в ярославских, вологодских – 'соперница' [6, т. 17, с. 78]. Отрицательная семантика наименования связана с существительным *ли'хо* с пометой *устар.* и *народно поэт.* 'зло, беда, несчастье' [5, т. 2, с. 189].

Часто распущенность, выражающаяся во внешнем облике человека, граничит с распущенностью нравственной, что обнаруживается в определенной семантической связи разных значений слова *распана'й* – 'мужчина, распущенный по поведению', ср.: *Я свово-то распаная Через три поля узнаю, Ноги длинные, нос большой, Сопли тянутся возжжой* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), и 'неподпоясанный', по-видимому, мотивировано диалектным глаголом *распана'хаться* 'распахнуться (о полах одежды)', известным в курских говорах, ср.: *Что ты распанахался, заверни полы-то!* Обоян. Курск. [6, т. 34, с. 154].

Наряду с ивановскими в костромских, ярославских, ростовских, рязанских, волгоградских, пензенских и других русских говорах известны однокоренные существительные *блудни'ца* 'распутница, развратница' с пометой *устар.* и *блуд'ня* 'тот, кто блудит' с пометой *прост.* [5, т. 1, с. 99], ср.: *Ах ты, блудница, как же тебе не стыдно перед людьми-то. Коли самой не совестно, мать хоть бы пожалела, она всю жизнь честной была* (Юрьевецкий р-н); *В девках родила, блудница вроде* (Пензенская обл., Заметчинский р-н); *Блудня девка, с женатым мужиком шляется* (Костромская обл., Антропоский р-н); *Ходят тут блудни всякие* (Ярославская обл., Ростовский р-н) [4]. По своему происхождению рассматриваемые лексемы могут быть связаны с древнерусским полисемантным глаголом *блуди'ти* 'заблуждаться, ошибаться, уклоняться от истины', 'прелюбодействовать, распутничать' [7, т. 1, с. 244-245], в значениях которого актуализируется общая сема 'уклонение от прямого пути'. Таким образом, диалектоносителями признается ошибочным, несоответствующим нормам нравственности поведение распутного, развратного человека.

Подводя итог анализу небольшого фрагмента лексико-семантической системы говоров Ивановской области (на примере имен существительных со значениями 'бесстыдник', 'пьяница', 'распутник'), можно отметить ряд особенностей: наличие общих черт мировидения диалектоносителей разных областей, присущих традиционно народному взгляду на мир, – указывая на разнообразные предосудительные черты поведения, обличая и осуждая отклонения от этических норм, диалектоносители придают большое значение вопросам нравственного воспитания, соблюдению правил приличия в обществе; большинство рассмотренных нами диалектных слов имеет, помимо основного лексического значения, дополнительный

компонент в семантике; лексические единицы обладают богатыми синонимическими отношениями, свидетельствующими о их семантической подвижности, отсутствии четких границ в значении, что резко отличает их от подобных слов в русском просторечии.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1984. – С. 5-23.
2. Батырева, Л.П. Лексика ивановских говоров [Текст]: учебные материалы / Л.П. Батырева. – Шуя : Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2009. – 139 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1903.
4. Картотека ЛАРНГ: словарный отдел Института лингвистических исследований РАН. – СПб.
5. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 1-4. – М., 1985-1988.
6. Словарь русских народных говоров. Т. 1-43. – М., Л., СПб., 1965-2010.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. – М., 1975-2008.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986-1987.
9. Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Т. 1-10. – Ярославль, 1981-1991.